

ЖАБКА

– Лёха, очнись, Лесенка смотрит! А ты ворон ловишь! – Ярик активно пихал приятеля в бок.

Лёшка испуганно вздёрнул голову и попробовал навести на резкость слипающиеся глаза. В сон на классном часе, который в школе ставили только первым уроком, клонило невыносимо. А выспаться восьмиклассник Алексей Алексеевич Рагозин не успел: с севера под утро опять забухало, младшая сестрёнка раскапризничалась, и самая сладкая рассветная дрёма ускользнула безвозвратно.

В принципе, звуков разрывов Лёшка давно почти не боялся: привык за столько-то лет отличать «плюсы» от «минусов» и далёкое – от близкого. Эти «плюсы» были далёкими. Он и не проснулся бы, конечно, но Катюшкин сон был очень чутким, а плакала младшая Рагозина громко. Никакая подушка на ухо не спасала. Да только вставать, чтобы поплотнее закрыть дверь в свою комнату – значит, пробудиться окончательно. То на то и выходило: плача почти не слышно, но уже не заснёшь!

В общем, не добрал сна Лёха. И ждала его за это кара неминуемая.

Алеся Александровна (или Лесенка, как звало её за глаза подрастающее поколение) тоже не любила первые уроки. А ещё она, в отличие от Лёшки и большинства его приятелей, к звуковому сопровождению донецких будней так и не привыкла и в его особенностях не разбиралась. Далёко, близко, «к нам», «от нас» – Лесенка одинаково вздрагивала, крепче сжимала в тонких пальчиках ручку и слегка запинаясь, если о чём-то рассказывала. Рассказывала она, впрочем, по признанию всех, интересно и предметом своим была увлечена. Даже непростой 5-Б, которым «наградили» новенькую биологичку, смогла заинтересовать. За три года потихоньку прикрутила гайки, и коллектив шутливых школяров, посопротивлявшись первое время, принял молодую «училку», прекратив её троллить по каждому поводу. Поняли – бесполезно. И даже чревато неприятными последствиями в виде внеплановых бесед с родителями.

Нет, Лесенка никого в подобных беседах не ругала и даже как бы по головке гладила. Но вот только выходило это у неё так хитро, что родители на чадушку начинали вопросительно поглядывать и домашние задания проверять с утроенной силой, а само чадо почему-то ощущало себя дурак-дураком. «Да ну её лесом такую похвалу! – думало после подобных обсуждений своих талантов чадо. – Лучше, чем полным логотом выглядеть, лишний раз параграф прочитаю и Ольку на перемене за косу дёргать не буду!»

Но любой человек, как известно, далёк от идеала. Детвора ещё с пятого класса подметила, что в начале учебного дня у Лесенки настроение радужным не бывает, и в это время награждает она отвлекающихся от темы заковырыстыми вопросами. Если же ночь была ещё и «шумной», первые уроки для зевак становились просто опасными. Не имело значения, биология это или тематический классный час. За прошедшие годы ничего не изменилось.

Так что Лёшка попал...

– Алексей, напомни, о чём и почему мы сегодня ведём речь? – Алеся Александровна жестом остановила Гелю Ладонникову, читавшую у доски доклад. Гелькин бубнёж и был основной причиной того, что Лёшка начал клевать носом. Ну не умела Ладонникова декламировать с выражением! О чём бы ни рассказывала – спать хотелось неудержимо.

– Об угледобывающей промышленности, – сокрушённо сказал Лёха и встал. Тему он помнил хорошо. Совсем недавно всей семьёй отпраздновали День шахтёра, потом был памятный День освобождения Донбасса. Классный час Лесенка приурочила к этим датам. Разве забудешь?

– Так почему мы сегодня о ней говорим? – продолжала докапываться Лесенка.

– Потому что каменный уголь – главное богатство нашего края, – со вздохом изрёк Лёха.

– А что ещё тебе известно? – Лесенка не унималась.

Лёшка мог бы сообщить о добыче угля многое. Прадеды его работали на шахтах: один – проходчиком, другой – маркшейдером. Об их нелегком труде вспоминали и мать, и отец, и бабушка. Из окна был виден террикон, а печку в летней кухне до сих пор при необходимости использовали, несмотря на то, что их частный дом давно был газифицирован. Но рассказывать обо всём об этом просто не хотелось. Личное это было. И Алексей, понурившись, поведал:

– Мне известно, что каменный уголь образовался в каменноугольный период.

В классе кто-то негромко фыркнул. Лесенка слегка нахмурилась.

– Да, негусто у тебя с информацией, Рагозин! Ну что ж, если знаешь, что уголь образовался именно в каменноугольный период, то следующий классный час готовишь ты. Расскажешь, что из себя каменноугольный период представлял. Заодно и свой кругозор расширишь. Садись!

Лёшка обречённо стёк на место. Лесенка своих заданий не забывала и требовала, чтобы к их выполнению относились творчески.

– Ну, Лёха, ты и влип! – прошептал Ярослав. – Что делать будешь?

– Влип, – тоже шёпотом согласился Лёшка. – Думать буду, чтобы перед родителями хвалить не начали...

Ярик промолчал и сочувственно скривился.

***

Дома вкусно пахло котлетами и борщом. Бабуля замешивала тесто на пироги. Яблоки, уже почищенные, порезанные и посыпанные сахаром, стояли в стеклянной миске на краю стола, прикрытые чистым полотенцем. Лёха не удержался, отвернул холстинку и стянул пару долек. Баба Лена строго прикрикнула:

– А ну! Руки от начинки убрал, помыл, и – за стол! Нечего аппетит перебивать, сейчас тесто подходит поставлю и первого тебе налью!

– Ба, я сам борща возьму. Не маленький! – Лёшка улыбнулся и черпанул половником густое ароматное варево. Плюхнул сверху пару ложек сметаны и залюбовался получившимся натюрмортом.

Елена Семёновна проследила, чтоб внук не забыл взять к борщу краюшку хлеба и зубок чеснока, но ворчать не перестала:

– А раз не маленький, зачем сладкое перед едой в рот тянешь? Чтобы аппетит перебить?

– Нет, чтобы неприятности заесть! – с набитым ртом промычал Лёшка. Борщ у бабушки всегда получался вкуснящий, не оторвёшься!

Баба Лена укутала старым пуховым платком кастрюлю с тестом, вытерла руки и подседа к столу. Посмотрела внимательно на внука и потребовала:

– Вот с этого места поподробнее.

– Сейчас, доем только!

Лёша дособирил оставшуюся в тарелке гущу, вздохнул и приступил к рассказу об утренних событиях и их далеко идущих последствиях. Бабуле он доверял. Мама, узнав о случившемся в школе, начала бы сутетиться и волноваться, отец – недовольно хмуриться. А бабушка всегда спокойно выслушает и зачастую даст дельный совет.

Вот и на этот раз Елена Семёновна просто пожала плечами:

– Не вижу никакой проблемы. Интернет на что?

– Ба, ты не понимаешь! Лесенку обычный реферат или скачанная презентация не устроят! Ей что-то особое теперь подавай!

– Не Лесенку, а Алесю Александровну! – Баба Лена укоризненно погрозила Лёшке пальцем. – Чтоб её всё устроило, добавь какую-нибудь наглядную вещь. Тогда не только послушать и глазами посмотреть, но и руками потрогать можно будет. И ребят, и класную свою заинтересуешь.

– Угля, что ли, на урок притащить? Да кто его у нас не видел?! – Лёшка недоумённо пожал плечами.

– Уголь тоже можно. Но не простой, а с отпечатками. Листья, кора... Только такой уголёк найти сейчас ты вряд ли сможешь. Эх, жаль, Катюша наша пошалила не вовремя! Как раз коллекция твоего прадеда пригодилась бы!

Лёша вспомнил, что видел раньше бережно хранящиеся на полочке в бабушкиной комнате чёрные пластинки с резными отпечатками. Был там, кажется, и ребристый серый цилиндрок – осколок древнего окаменевшего хвоща. Да вот только прошлой зимой сестрёнка, оставленная без пригляда на полчаса, распихала всё это богатство по карманам шубейки, а потом разбросала на прогулке по сугробам. Никто и внимания не обратил, что за камешки она по сторонам кидает. А когда хватились – было поздно. Ругать малую не стали. Пожурили, объяснили, что неправильно сделала, но угольков тех так и не нашли.

– И что мне делать? Пойти в сарайчик, в антраците покопаться? – уныло спросил Лёшка.

– Ещё не хватало! Отмывай тебя потом, поросёнка! – засмеялась бабушка. – Да ты там ничего и не откопаешь, уголёк тот мелковат. А вот на Жабку сходить можно, на породе отпечатков поискать.

Лёшка посмотрел в окно. Жабка на фоне неба вырисовывалась очень чётко. Старый невысокий террикон девятнадцатой шахты был виден почти со всех точек посёлка. Закрыли шахту давно, а верхушку террикона, как водится, срезали, чтобы уменьшить горение породы. Да только не совсем удачно срезали: спёкшийся в глубине в монолит террикон бульдозерам поддавался плохо. Теперь на вершине красовалась огромная причудливая фигура: дракон – не дракон, ящерица – не ящерица. «Жабка!» – решили в конце концов жители Рутченковки¹ и на этом успокоились. За годы террикон подзарос травой и деревьями, на нём гнездились птицы, жили зайцы, доказывая своё существование следами по зимней пороше. У склона выбился родничок и разлил озерцо-болотце, по весне оглашавшее всё окрест громким лягушачьим

1 Рутченковка, Рутченково – рабочий посёлок в Кировском районе города Донецка.

ором и нежными трелями настоящих жаб. Обвили террикон тропинки и даже широкие дорожки, протоптанные ногами и укатанные шинами велосипедов – хорошо было на вершине! Ветер, крики стрижей и надёжный каменный защитник, снисходительно вззирающий десятилетиями на суету у своего подножия.

Такие места знающие люди называют местами силы.

Лёшке подобные сложности в голову не приходили, но на террикон он взбирался неоднократно. Благо – совсем рядом с домом! Бабулины слова заставили его призадуматься и вспомнить, что на красноватых плитках выгоревшей породы что-то необычное краем глаза он вроде замечал.

– Ба! Так давай я сегодня туда смогаюсь! Может, и найду чего!

– Куда горопишься? Неделя впереди, ещё успеешь!

– Я – на разведку! Найду отпечатки – хорошо. А если нет – время на поиски останется. Ты сколько раз говорила, что дело не стоит откладывать в долгий ящик?

– Ох, шило ты, Алексей! – баба Лена только головой покачала. – Ну смотри, вольному – воля. Только вернись до полпятого. Тебе ещё Катеньку из садика забирать, не забыл?

– Я на велике по-быстрому! На связи буду! – Лёшка сорвал с вешалки пайту, запахнул неразлучный андроид в карман, закинул на плечо старенький рюкзачок и вылетел за дверь.

Елена Семёновна махнула рукой, улыбаясь вслед внуку, и принялась выпутывать кастрюлю из платка: тесто подошло. Как раз к Алёшину возвращению и пирожки поспеют!

***

Грунтовка негромко шуршала под шинами потрёпанной «Деснь». Сентябрь и вообще выдался жарким, а сегодня в воздухе духота ощущалась особенно. Лёшка крутил педали, жалея, что переутеплился. Когда начался склон, стало совсем невмоготу.

Затормозил, соскочил с велосипеда и стянул пайту, повязав на плечи. Сразу полегчало. В седло снова садиться не стал, привычно повёл велик рядом.

Тропинка стала круче, ближе к вершине подул ветерок, и разгорячённый ездой Лёшка теперь уже слегка ёжился под налетавшими порывами. Но до Жабки было уже рукой подать, и рыжая, крошащаяся стена вскоре заслонила ветер.

Лёша аккуратно прислонил к жабкиному боку велосипед и огляделся.

Крыши частного сектора, многоэтажки Текстильщика¹, далёкие конусы терриконов Трудовских² – всё было видно как на ладони. Мирно шелестели листья проросших на склонах тополей, поодаль суетилась трясогузка, квакали внизу, в болотце, лягушки. «Что это они расшумелись вдруг? К дождю, что ли?» – подумал Алексей и с подозрением покосился на темную облачную полоску у горизонта. «А! Успею!» – мысленно отмахнулся и принялся за увлекательный поиск следов каменноугольной растительности...

---

1 Текстильщик – самый крупный спальный район Донецка. Тоже находится в Кировском районе города.

2 Трудовские – рабочий посёлок рядом с одноимённой шахтой. Находится на самой окраине Донецка, в Петровском районе города.

...Когда первая увесистая капля шлёпнула по темечку и нагло сползла за шиворот, рюкзак, набитый пластинами породы, уже ошутимо оттягивал плечо. Лёшка поднял голову и ахнул: азартно раскапывая сложащиеся кирпично-красные груды, он не обратил внимания, как тёмная облачная полоска превратилась в здоровенную сизую тучу, нависшую прямо над терриконом. Солнечные лучи ещё пробивались с запада, но стало понятно, что грибным дождиком дело не ограничится, и до livня домой он доехать не успеет.

Алексей подбежал к велосипеду и потащил его в единственное возможное укрытие.

Дождь ударил стеной. Под нависающую «морду» Жабки капли и брызги не долетали, но Лёшке было очень неуютно: резко похолодало. Не спасала даже снова надетая пайта. Блеснуло, вдалеке заворчал...

Мобильник был быстро отключен и засунут в отодвинутый подальше рюкзак. «Бабуля будет волноваться», – успел подумать Лёшка, и тут ослепительный световой столб встал перед глазами, и грохнуло так, как будто обвалилась половина террикона...

***

...Сознание слегка плыло, а за закрытыми веками всё вращались и вращались огненные круги. Почему-то казалось, что он лежит на полке в бане. Ходили они в парную пару раз с отцом. Да только сейчас полоч попался какой-то неудобный, и пахло не берёзовым листом и мятой – грибной прелью и, почему-то, тухлыми яйцами. А ещё кто-то шлёпнул Лёхе на грудь тяжелую мокрую подушку и металлическим фиксатором сверху придавил, чтобы не сползла.

Лёшка застонал, завертелся, чтобы выбраться из захвата и плюхнулся во что-то жидко-липкое. Из-под железки вроде выполз, но подушка никуда не делась. «Какая баня? Какая подушка? Я же на терриконе!» – постепенно стал соображать Алексей. Стало ему совсем не по себе.

Огненная круговерть прекратилась, слёзы наконец-то перестали течь из-под век. Лёха осторожно приоткрыл глаза... И ошарашено выдохнул: – Ну ни фига ж себе!!!

Ничего знакомого вокруг не было. И никакой бани, понятное дело, тоже не было. Сидел он в большой грязной луже, подпирая осклизлый полугнилой ствол, с которого и свалился, брыкаясь. Откинутый в сторону «железный фиксатор» – велосипед – валялся рядом. И видны были окрест только такие же лужи, затянутые спутанными косицами тины, бочаги поглубже, с бульканьем выпускающие пахучие пузыри, да бесконечные зеленоватые стволы. В рёбрышко, в ромбик, волосатые... Шелушащиеся, со свисающей лохмами корой. Здоровенные, подпирающие серое низкое небо, с метёлками или узорными «пальмовыми» листьями наверху, скрученными улиткой. А иные – похожие на сосенки без иголок, с толстыми изумрудными безлистными ветвями враспырку.

Лёшка отколупал от бревна полоску, рассмотрел сетчатый рисунок, машинально сунул ошмёток коры в карман. Парнишку передёрнуло. Он вспомнил, где видел нечто подобное: на картинке учебника ботаники 6-го класса, когда изучали они высшие споровые растения. И период. Тот самый...

Начался дождь. Ручейки потекли по стволам. Грудь давило всё сильнее. Злодейской подушки, естественно, не было. Был воздух: густой, тяжелый, мокрый. Он с трудом заходил в лёгкие, и выталкивать его из себя тоже было нелегко. Даже до дождя казалось, что дышишь во-

дой. Лёшка задыхался, и не только от жаркой духоты. Запахи в «лесу» стояли резкие, удушающие. Начинала кружиться голова.

Стрекозу размером с небольшой беспилотник, которая промелькнула меж «деревьями», громко треща прозрачными сетчатыми крыльями, Лёха почти безразлично проводил взглядом. «Если тут такие стрекозы, то какими же будут комары? – подумал вяло. – Впрочем, теперь всё равно. Родных жалко...»

Мужчины, конечно, не плачут, но в эту минуту так хотелось наплевать на правила! Себя тоже было жалко. И даже очень.

Стрекоза вернулась, зависла над ближним бочагом, засмотревшись на прищельца. В фасеточных, переливчатых даже в полутьме глазах размером с хороший кулак отразились сотни маленьких человеческих фигурок. Красиво это было. Даже впавшего в уныние Лёшку проняло.

А потом тоску пинком вышибла из организма запредельная доза адреналина.

Из бочага в потоках грязи и тины поднялась ОНА. Жабка. Хлопнула похожая на приплюснутую крокодилию пасть, и стрекоза исчезла. Над болотистыми топиями разнеслось торжествующее:

– Ва-а-а-к-вааааа!

И на Лёшку уставились совсем другие глаза. Выпученные. С вертикальным пульсирующим зрачком. Глаза, в которых не было ни капли разума, но прослеживался тупой интерес: «А съедобно ли это?»

Лёха вскочил (откуда силы взялись!) схватил велик, отгородившись им от твари, и заорал изо всех сил:

– А ну, пошла отсюда!

И события понеслись вскачь.

То ли акустическую волну Лёшка направил удачно, то ли ему, как и тем, что в поговорке, просто повезло, но ближайшая кривоватая «ёлочка», окончательно проиграв земному притяжению и дождю, стала заваливаться набок. Жабке досталось толстеньким стволиком как раз по плоскому, слегка поблёскивающему мелкими редкими чешуйками, черепу. А Лёхе – вершинкой. Касательно, по плечу. Он снова шлёпнулся в жидкую грязь. И не успев обрадоваться, что легко отделался, увидел ветвистую огненную сеть, упавшую, казалось, на половину каменноугольной чащобы. Грохнуло, заложило уши, потемнело в глазах...

***

Пятой точке было жёстко и колко. То ли в голове, то ли снаружи, ровно и шелестяще шумело. Рама велосипеда чувствительно врезалась в рёбра.

– Опять... – жалобно простонал Лёшка, осторожно приоткрыл глаза...

И радостно завопил:

– Йес! Йесс!! Йессс!!!

Сидел он под мордой Жабки, основательно придавленный великом. Ливень заканчивался, переходя в обычный дождь, и в разрывах туч на востоке уже проглядывала лазурь. Метрах в десяти-пятнадцати ещё дымилась неглубокая воронка – место, куда ударила молния. Внизу громко квакали лягушки.

Лёшка отодвинул транспортное средство, уважительно покосился вверх на нависающую над ним здоровенную «голову» и пробормотал себе под нос:
– Так вот ты какой, северный олень...

Он ещё немного посидел в гроте, с наслаждением вдыхая обычный донецкий воздух. Пах этот воздух не болотом, а прибитой дождём пылью

и мокрой землёй. И чуть-чуть – бензином и дымом. А потом, кряхтя, поднялся, ухватился за руль, нацепил на плечи рюкзак и потихоньку поплёлся вниз, не ожидая пока утихнет морось. Вымокнуть ещё больше было невозможно. Садиться в седло он не рискнул, а домой вернуться следовало вовремя.

Лёшка осторожно спускался по мокрой тропинке и думал, что бабуля, конечно, отругает его за изгвазданную одежду, но потом обязательно накормит яблочной сдобой. Он расскажет ей сон, который привиделся под шум дождя: про древние «деревья», стрекозу и «жабку». А в классе будут слушать о том, как чувствовал бы себя человек, попавший в каменноугольный лес, и рассматривать отпечатки листьев, опавших миллионы лет назад, но оставивших следы на породе старого террикона.

Только кусок коры, который лежал в кармане мокрой пайты, он спрячет и никому не покажет. Всё равно не поверят. А жаль.

– Нужно срочно изобретать машину времени, – сделал вывод Лёшка и покатыл к дому от подножия Жабки старенький велосипед «Десна».